

УДК 81'1:130.2

**Символ и миф.
Лингвокультурологический аспект**

Карпенко А. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Автор статьи предлагает трактовку концепта символа в соотнесенности с мифом. Исходным постулатом является тезис о том, что существует тесная связь между символом и всеми символическими формами, и прежде всего, с мифом. Символ в своем генезисе связан с мифом, вырастает из него. Автор разделяет точку зрения Ю. М. Лотмана о том, что символ имеет промежуточный статус между конкретно-чувственным мышлением и абстрактными понятиями и возникает благодаря необходимости зафиксировать появившийся духовный и практический опыт человечества, который отразился в форме мифологических представлений.

Ключевые слова: *символ, символические формы, эксплицитные и имплицитные мифы.*

Актуальность исследования. Проблема соотнесенности символа и мифа ставится нами в связи с попыткой определить место и роль символа в системе других символических форм, а также при рассмотрении сложной диалектики функционирования мифа и символа. На наш взгляд, правомерна точка зрения таких ученых как Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев, Вячеслав Иванов, которые подчеркивают неразрывную связь мифа и символа. Миф несет в себе неразложимую органичность, слагающую не совокупность членов, а их целокупность. Компонента органичности мифа интерферирует в нем живой и архисложной диалектикой структурных пластов и несет в себе символическую природу. Эти структурные напластования, имеющие свой особый, свойственный только им колорит, сигнализируют нам о наличии в мифе символической компоненты. Теряя свою знаковую природу, символ становится мифом, усиление знаковой функции ведет к разрушению символа, то есть исчезает тождество между означающим и означаемым. Далее, следует отметить, что даже наименее связанные с мифологическим сознанием символы превращаются в миф, теряя функцию обозначения и утверждая субстанциональность заключенного в них содержания. Вопрос о соотнесенности символа и мифа возникает еще и в связи с тем, что часто происходит некая подмена форм, и миф принимают за символ и, наоборот. С другой стороны, ряд философов отрицает соотнесенность этих двух символических форм.

Цель исследования предложить трактовку концепта символа в соотнесенности с мифом. По-разному решается проблема соотношения мифа и символа. Так, Ю. М. Лотман полагает, что символ в своем генезисе связан с мифом, вырастает из него. «В символе всегда есть что-то архаическое, т.к. он восходит к дописьменной эпохе, когда определенные знаки представляют собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранящихся в устной памяти коллектива» [8, с. 12]. Сходные мысли высказывает и С. С. Аверинцев – символ, по его мнению, есть миф, «снятый» (в гегелевском смысле) развитием культуры. Но можно привести примеры

и обратного умозаключения: миф – всего лишь «экзегеза символа» (И. И. Бахофен). Эта мысль характерна для русских философов, размышляющих над природой символа. Вячеслав Иванов, полагающий, что миф органически развивается из символа, писал: «Миф уже содержится в символе, он имманентен ему; созерцание символа раскрывает в символе миф» [2, с. 157], «миф есть динамический вид (modus) символа», «к символу же миф относится как дуб к желудю» [2, с. 142]. Французский философ Поль Рикер, сделавший символ одним из центральных понятий своей феноменологической герменевтики, также считает, что миф должен быть подчинен символу. Миф не исчерпывает семантическую структуру символа. Связь мифа с ритуалом и определенной социальной функцией, литературная обработка мифа, дающая начало его рационализации, ограничивает объем значений символа, лежащего в его основании. Это позволяет использовать один и тот же символ в разном социальном контексте в рамках иного мифологического образования. Поэтому миф является лишь частным выражением символа, лишенным присущей символу глубины.

Метафора Вячеслава Иванова представляется нам весьма удачной – «отношение дуба к желудю» сложнее, чем простое порождение первого из второго. Это – взаимооборачивание из свернутой формы в развернутую, и наоборот. Символ выступает и как потенциальный миф и одновременно как производное мифа. При всей популярности поддержанной авторитетнейшими именами психологической теории возникновения символа (Э. Сепир, Э. Фромм), мы разделяем точку зрения Ю. М. Лотмана, перекликающуюся со структуралистской трактовкой природы символа. Символ, обладающий промежуточным статусом между конкретно-чувственным мышлением и абстрактными понятиями, возникает благодаря необходимости зафиксировать появившийся духовный и практический опыт человечества, отразившийся в форме мифологических представлений. Даже К.-Г. Юнг психологизирует понятие «миф». Он же выделяет два вида символов: естественные, коренящиеся в бессознательном, и культурные, выражающие «вечные истины». Они остаются «важными составляющими нашего ментального устройства» и «жизненной силой в построении человеческого образа». Его интерпретация символа дает ему ключ не только к анализу сновидений, но и к анализу мифов, сказок, религии, искусства. К.-Г. Юнг был уверен, что только знак, осознанно употребляемый человеком, замещает что-то другое, а символ является самостоятельной, живой, динамической единицей. Символ ничего не замещает, но отражает то психологическое состояние, которое испытывает человек в данный момент, он как бы и есть само это состояние. Поэтому Юнг возражал против символической интерпретации снов или ассоциаций, считая, что необходимо идти вслед за символикой человека вглубь его бессознательного. Он признает теоретическое существование символов, чье значение почти зафиксировано, но, на практике, К. Юнг не рекомендует, по крайней мере, во время интерпретации, ставить символы в связи с известными вещами и концептами, представленными себе заранее. Юнг остановился на мысли, что символ обозначает неизвестные сущности, трудные для постижения и при последнем анализе, никогда полностью не определенные. Он настаивал на необходимости не путать символы со знаками и не приписывать им концептуальные понятия, уже определенные идеологическим значением.

Возвращаясь к проблеме соотношения мифа и символа, следует подчеркнуть, что сложно отрицать тот факт, что символ, выросший как «программа» мифа, в ходе своего развития несколько обособился от него. А. Ф. Лосев утверждает, что всякий миф – символ, имеющий четверичную природу. В чем же сущность символической природы мифа?

Во-первых, миф «есть символ в меру того, что он есть просто вещь или существо» [3, с. 162]. Ведь всякий реальный предмет, поскольку он мыслится и воспринимается

нами как непосредственно и самостоятельно сущий, представляет собой символ. Это может быть и дерево, и цветок, и источник воды, и многое другое.

Во-вторых, «миф есть символ в меру того, что он есть личность» [3, с. 169]. В мифе перед нами выступают не просто вещи, а «интеллигентные» вещи, т.е. одушевленные, одухотворенные вещи. Мифология или прямо трактует о живых существах и личностях, или говорит о не живом так, что видна ее изначальная одушевляющая и одухотворяющая точка зрения. Интеллигенция накладывается на прежний символ новым слоем и «превращает вещественный символ в интеллигентный символ» [3, с. 171].

В-третьих, «мифический символ есть символ в меру того, что он есть история, так как мы имеем дело не просто с личностью, но с ее эмпирическим становлением» [3, с. 173]. Личность существует в истории. Она живет. Она борется, порождается, расцветает и умирает, т.е. личность – «есть всегда обязательно жизнь» [3, с. 75]. В свою очередь, «история есть становление бытия личностного, и миф есть история» [3, с. 100].

В-четвертых, «мифический символ есть символ в меру своей чудесности» [3, с. 175]. Чудесное проявляет себя в мифе в качестве вмешательства высшей силы или сил, в нарушении законов природы [3, с. 176].

Таким образом, согласно А. Ф. Лосеву, миф представляет собой фактическую реальность, не функцию, но результат, вещь, не возможность, но действительность, жизненно и конкретно ощущаемую, творимую и существенную, наполненную глубоким символическим смыслом. В мифе есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Но далее А. Ф. Лосев добавляет, что не всякий символ – миф. Перечисляя в одной из своих поздних работ «Проблема символа и реалистическое искусство» различные типы символов, как-то: научные, философские, художественные, религиозные, внешне технические, человечески выразительные, идеологические и побудительные символы, он отводит собственно мифологическим символам достаточно скромное место в этом ряду. Тем не менее, Лосев видит возможность превращения в миф не мифологических символов (например, художественных) и связывает это с субстанционализацией символа. Символ, полагает он, может подходить как угодно близко к мифу и даже сливаться с ним. Символ становится мифом в той мере, в какой перестает быть знаком, и, с другой стороны, усиление знаковой функции разрушает символ, нарушая тождество означающего и означаемого. Оба процесса, по-видимому, неизбежны и могут наблюдаться в рамках одной культурной ситуации. Предметные символы могут превращаться (а зачастую и являются) своего рода «визуальными мифами» и организовывать собою мифологические действия. О. М. Фрейденберг полагала, что область мифа шире области слова и миф, представляющий по своей смысловой сути только мировосприятие, может принимать и действительную (ритуал) и вещную форму. Например, восстановление кафедрального собора в нашем городе – мифическое действие. Это апелляция к христианской духовности или стремление воссоздать выдающийся памятник искусства – не более чем вторичная, по отношению к главной, цели, «рационализация»: подлинная цель заключается в мифическом обновлении времени, возвращении «золотого века», который может быть обретен вновь чудесным образом, как только будет восстановлен символизирующий его славу и гибель собор. Этот собор уже не просто символ, но миф – «вещественно данный символ» (Лосев).

Особого внимания заслуживает проблема соотношения понятий символа и мифа в интерпретации Я. Варденбурга, голландского ученого, специалиста в области феноменологии религии. В этой связи нам представляется плодотворным подробно остановиться на анализе его работы «Символические аспекты мифа». Философ считает, что между понятиями «миф» и символ существует теснейшая взаимосвязь: все характеристики понятия символ (его посредническая функция, культурное содержание, социальное измерение, религиозная потенциальность и др.) вполне применимы и к

понятию миф. Он определяет миф как «символическое конструирование реальности или конструирование реальности посредством символов» [13, с. 65], с чем нельзя не согласиться. Символ рассматривается им как средство размышления. Символ призван быть способом выражения иных сфер реальности, стоящих вне повседневного жизненного опыта человека или сообщества. В нем «встречаются» разные реальности, причем границы между ними «непрозрачны». Таким образом, через символ мы входим в иные сферы действительности. Человеческое мышление есть осознание такой трансплантации. «Символы, когда они воспринимаются и чувствуются, могут вызывать переживание освобождения от уз интеллекта и претензий разумного слова» [13, с. 47]. Варденбург выделяет два вида мифов – эксплицитные (explicit) и имплицитные (implicit.) Сущность эксплицитного мифа проявляется из самой этимологии. «Mythos» в переводе с древнегреческого означает: 1) «слово», «речь», «рассказ», «весть»; 2) «миф, «рассказ о богах и героях», «баснословный рассказ», «сказание», «басня», «вымысел». Отсюда «mythologia», по Варденбургу, – «изложение мифов о богах и вообще сказочных преданий». Если подходить к мифу как форме повествования, где действия и события разворачиваются поэтапно, то он может быть определен как «движущийся символизм» (moving symbolism), то есть, уподоблен фильму, состоящему из мелькающих друг за другом картинок. Различие между мифом и символом, по автору, состоит в том, что символ имеет статическую природу, а миф, скорее, динамическую. Здесь каждый элемент мифа обладает сопутствующим символическим значением, а комбинация всех элементов сама по себе образует новое символическое значение. Все эти символизации сообщают указывают на смысл данного мифа, который провозглашается в качестве истины, на основе которой базируется жизненный мир индивида. «То, что является истиной, – это не детали рассказа сами по себе, но более глубокие смыслы, которые становятся реальными как для рассказчика, так и для слушателя только в акте повествования. Мифы перемещают события, случившиеся на земле, в другую сферу действительности, где они обретают иной смысл, и этот смысл передается обратно вновь посредством ритуального действия» [13, с. 53].

Однако мы не можем согласиться с тезисом о том, что эксплицитный символ имеет статическую природу, ведь он несет неизбежно динамическую соотнесенность, сопряженность со всем, «что ни есть», будучи порождающей моделью, то есть, всегда находясь в движении, а также являясь смысловым отражением, которое не исчерпывается формально, то есть в анализе форм, а постигается диалектически, то есть в преобразении его бесконечных «спецификаций». Трактовка имплицитного мифа, предлагаемая Варденбургом, более туманна. Имплицитный миф, по Варденбургу, – это «элементы языка, означающие определенные базисные предположения, которые придают смысл жизни индивида или сообщества и к которым люди могут прибегнуть в кризисных ситуациях» [13, с. 52]. Такие элементы скорее эмоционально нагружены и прочувствованы, нежели рационально оформлены. Они получают свою силу прямо из того факта, что они более внушаются, чем объясняются. В культуре данные «мифологические элементы» получают свое оформление в виде символических слов, выражений или действий. Имплицитные мифы существуют как значительные, но не вполне развитые элементы потенциальной истории. Когда имплицитный миф становится эксплицитным, то он превращается в повествование с последующими этапами и событиями, со своей структурой.

Вывод. Итак, подводя итоги, следует отметить, что в вопросе о соотнесенности мифа и символа мы придерживаемся той точки зрения, что они состоят в неразрывной связи. Символ становится мифом, теряя свою знаковую природу. Ее усиление приводит к разрушению символа, и тогда исчезает тождество между означающим и означаемым. Иными словами, символ переходит в одну из своих форм. Вместе с тем, следует учитывать, что символ функционирует не только в мифе.

Список литературы

1. Иванов В. Заветы символизма / Вячеслав Иванович Иванов // Декоративное искусство. – 1991. – № 3. – С. 9.
2. Иванов В. Родное и вселенское / Вячеслав Иванович Иванов. – М. : Республика. – 1994. – 427 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Алексей Федорович Лосев. – М. : Правда, 1990. – 186 с.
4. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / Алексей Федорович Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Алексей Федорович Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 959 с.
6. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Алексей Федорович Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
7. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / Алексей Федорович Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с.
8. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры / Юрий Михайлович Лотман. Избранные статьи : В 3 Т. – Т.1. – Таллин : Александра, 1992. – 479 с.
9. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. История : миф, время, загадка / Светлана Сергеевна Неретина. – М. : Гнозис, 1994. – С. 15-157.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдвард Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
11. Verene D. P. Cassirer's View of Myth and Symbol / Donald Phillip Verene. – L. : The Monist, 1966, – P. 553–564.
12. Wardenburg J. Symbolic aspects of myth // Myth, symbol and reality / Jacques Wardenburg. – L. : Notre Dame, 1980. – P. 41–68.

Карпенко Г. В. Символ і міф. Лінгвокультурологічний аспект // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.42-46

Автор пропонує трактування концепту символу у співвіднесенні із міфом. Вихідним постулатом є теза про існування тісного зв'язку між символом і всіма символічними формами, насамперед із міфом. Символ у своєму генезисі пов'язаний з міфом, виростає з нього. Автор поділяє точку зору Ю.М. Лотмана: символ, що володіє проміжним статусом між конкретно-чуттєвим мисленням і абстрактними поняттями, виникає завдяки необхідності зафіксувати духовний і практичний досвід людства, що з'явився і відбився у формі міфологічних уявлень.

Ключові слова: *символ, символічні форми, експліцитні та імпліцитні міфи.*

Karpenko A. V. Symbol and myth. Linguistic and cultural aspects // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.42-46

The problem of correlation between the symbol and the myth is put forward in connection with an attempt to define the role and the place and of the symbol in the system of other symbolic forms. This problem is being solved in different ways.

The author of the article offers his own interpretation of the symbol in correlation with the myth. The author states that there exists a close connection between the symbol and all the symbolic forms, and above all with the myth. Myth is already an integral part of the symbol. Symbol in its genesis is associated with the myth, grows out of it. Myth has to be subordinated to symbol. It does not exhaust the semantic structure of the symbol.

At the same time the symbol is outlined as a potential myth and a derivative of the myth. Therefore the myth is barely a particular expression of the symbol, deprived of the inherent symbolic depth. The symbol becomes the myth, losing its sign nature. Its strengthening results in the destruction of the symbol and then disappears the identity between the signifier and signified. In other words the symbol passes into one of its forms. The author shares the view that the symbol has an intermediate status between the concrete sense thinking and abstract concepts. It arises in order to fix appeared spiritual and practical experience of humanity, which is reflected in the form of mythological concepts. Myth carries in itself the irresolvable organicness that constitutes its integrity.

Key words: *symbol, symbolic forms, explicit and implicit myths.*

Поступила в редакцію 18.04.2013 з.